

*Посвящается
Джин Наггар и Беверли Льюис, которые открыли дверь,
и Грегу Пирсону, который включил свет*

ОСНОВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Париж

Кристиан де Врис, рыцарь-хирург ордена Святого Иоанна
Иерусалимского
Арно, граф де Врис
Симона, жена Арно
Бертран Кювье, рыцарь ордена Святого Иоанна
Филипп Гиньяр, врач
Марсель Фуко, хирург-цирюльник

Мальта

Мария Борг, мальтийская крестьянка
Нико Борг, младший брат Марии
Лука Борг, их отец
Изольда Борг, жена Луки
Елена, куртизанка
Фенсу, глава общины Мекор-Хаким
Элли, жена Фенсу
Отец Джулио Сальваго, капеллан церкви Святой Агаты
Якобус Павино, ловец птиц с острова Гоцо
Анжела Бука, баронесса
Антонио Бука, ее муж, барон

Стамбул

Аша, паж на службе у султана в серале Топкапы
Алиса, рабыня
Искандер, наставник в школе пажей
Шабух, паж
Насрид, паж

ДЭВИД БОЛЛ. МЕЧ И ЯТАГАН

Алжир

Эль-Хаджи Фарук, зажиточный торговец и кораблестроитель
Юсуф, его сын
Амира, жена Фарука
Мехмед, слуга в доме Фарука
Леонардус, корабельных дел мастер
Иби, садовник

Исторические персонажи

Тургут-реис, корсар
Сулейман, султан османов
Жан Паризо де ла Валетт, великий магистр ордена Святого
Иоанна
Ромегас, командующий галерами, рыцарь ордена Святого
Иоанна
Сэр Оливер Старки, англичанин, секретарь великого ма-
гистра
Джихангир, принц, младший сын Сулеймана
Жозеф Каллус, врач из Мдины
Доменико Кубельес, епископ и инквизитор Мальты
Дон Гарсия, вице-король Сицилии
Амбруз Паре, хирург
Мустафа-паша, османский генерал
Пияле-паша, османский адмирал
Отец Иезуальд, священник-еретик

ОТ АВТОРА

Большинство дат в приведенных отрывках из «Историй Средиземноморья», написанных османским историком Дарием, были даны по мусульманскому календарю. Для простоты восприятия в романе даты приводятся по европейскому, григорианскому календарю.

КНИГА ПЕРВАЯ

Нико

ИЗ «ИСТОРИЙ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ»

*Начаты в Стамбуле в 1011 году от хиджры пророка (1604 год)
Дарием по прозвищу Хранитель,
историком Льва Востока и Запада, султана Ахмеда*

Мальга!

Никогда еще за всю историю человечества судьба целых империй не зависела от столь неожиданного места. Мальтийский архипелаг составляют всего пять маленьких островов, из которых внимания достойны только два: Мальга и Гоцо. Оба острова довольно каменисты, источников пресной воды там немного, а слой плодородной земли так тонок, что могут выжить лишь самые неприхотливые фиговые деревья и дыни, а также самые стойкие люди.

В доисторические времена, задолго до бронзового века, на островах жили древние люди, оставившие после себя развалины храмов и глубоко ушедшие в землю каменные дороги. Этими путями прошли финикийцы, за ними — карфагеняне, а вслед за теми — римляне. В бухте на северной стороне острова после кораблекрушения был выброшен на берег христианский апостол Павел, позднее принявший мученическую смерть. Во время пребывания на острове он посеял семена своей веры, которые на Мальте прижились куда лучше, чем фиговые деревья и дыни.

Набеги вандалов стали настоящей напастью для острова в те времена, когда Римскую империю разрывало на восточную и западную части. Мальга отошла к восточному царству — к Византии, правившей островом до 870 года, когда его захватили арабы, кочевые мусульманские племена, успевшие завоевать большую часть мира и выйти к его западным границам у самого Иберийского полуострова.

В жизни Мальги был краткий и яркий момент, когда мусульмане мирно жили рядом с христианами и иудеями, но продлился он недолго.

В 1090 году острова были завоеваны графом Роже Норманнским. После споров о линии престолонаследия Мальга перешла во владение Фридриха I, императора Священной Римской империи, который использовал ее как колонию-поселение и навсегда изгнал

мусульман из этих земель. Германцев, в свою очередь, изгнали французы под предводительством Карла Анжуйского, а французов — арагонцы. После заключения брачного союза между Фердинандом Арагонским и Изабеллой Кастильской испанцы запретили в королевстве все религии, кроме римского католицизма, что привело к появлению инквизиции. В это время мавры, населявшие Иберийский полуостров почти семь столетий, были вынуждены отступить под натиском христианских королевств. Последний форпост мусульман — Гранада — пал в 1492 году, когда и произошел великий исход мавров и иудеев из всех испанских земель, включая Мальту, где наконец принесли плоды посеянные апостолом Павлом семена христианской веры.

Кто же из жителей Мальты смог выжить в столь смутные времена? Представители лишь одной религии, но разных кровей и разного происхождения. Язык этого народа являл собой гремучую смесь арабского, семитского и итальянского, манера одеваться и культура — смешение восточных и западных традиций, а правила ими поставленные у власти арагонцами представители знатных семей, на чьих полях неустанно трудились крестьяне, единственное постоянное население Мальты.

Мальта страдала от мора и чумы, от грабежей череды монархов, засух, набегов корсаров и от адской жары летом. Мальту высмеивали за бедность культуры, за скудость земли и нищету населения, что не мешало ей оставаться лакомым куском из-за идеальных гаваней и стратегически выгодного местоположения, позволявшего контролировать морские пути из Африки на Сицилию. Именно уникальное расположение в сочетании с владычеством Османской империи в восточных морях гарантировали острову значимость, совершенно непропорциональную его размерам.

Несомненно, Мальта сыграла важнейшую роль в судьбах мира в начале XVI века, послужив интересам еще одного императора Священной Римской империи, Карла V Испанского. Он отдал остров рыцарям ордена Святого Иоанна Иерусалимского, которые правили там несколько веков.

Мальта.

Крошечный непритязательный остров менее шести лиг¹ длиной и три шириной — песчинка на просторах огромных океанов, но зато какая!

Какие удивительные повороты судьбы ожидают его!

Из тома VII. Великие кампани. Мальта

¹ Лига равна примерно 4,8 км. — *Здесь и далее примеч. перев.*

ГЛАВА 1

Мальта. 1552 год

В то утро, когда на остров прибыли работорговцы, дети искали клад.

С головой уйдя в это занятие, они не заметили мачт корсарской галеры, скрытой от них высокими скалами, окружавшими бухту, где ночью судно встало на якорь.

Они не заметили убитого дозорного, подвешенного за ноги с внешней стороны сторожевой башни. Его звали Бартоломео, он был чуть постарше их и жил на той же улице. Корсары перерезали ему горло от уха до уха, пока тот мирно спал. Его кровь уже запеклась на площадке сторожевой башни, с которой он должен был забить тревогу и с которой его убийцы забрали несколько досок. Дети не заметили Бартоломео, потому что прятались от него в глубоких оврагах или за низкими каменными стенами, разделявшими поля, такие сухие и выжженные, что ими перестали интересоваться даже вороны. Дети знали, что, пока они остаются под прикрытием этих стен, Бартоломео не сможет их увидеть и разрушить их планы. А он бы обязательно сделал это, причем просто из вредности. Бартоломео вообще был гадкий парень.

Они не увидели и не услышали вереницу галерных рабов, змеящуюся по расселине шагах в ста к востоку от них. Мужчины молча трудились, передавая друг другу ведра с водой под бдительным надзором надсмотрщиков.

Запаха галеры они тоже не почувствовали, потому что ветер — северо-западный мистраль — дул им в спину. Если бы ветер был верный, то они бы сначала учуяли галеру, а только потом увидели ее. Этот запах опасности не спутать ни с чем. Если бы учуяли, то ощутили бы запах приговора и успели бы испугаться, успели бы обратиться в бегство.

Как на грех, сегодня единственным запахом для них остался аромат мечтаний Марии.

— Мы же должны чистить выгребную яму! Отец нас выпорет, — мрачно заявил Нико.

Он уже запыхался, пытаясь не отставать от сестры, которая вела его к южному побережью Мальты. Ноги обжигал известняк, успешный изрядно нагреться под палящими, несмотря на ранний час, лучами солнца.

— Да он даже не узнает! — успокоила его сестра.

Она прыгала по камням быстро, словно капелька ртути, босые ноги ловко находили, куда встать, чтобы не напороться на опунцию. Марии было тринадцать, невысокая для своего возраста, ладно сложенная и худенькая, по фигуре пока не было заметно, что она девочка. Поношенная, запачканная одежда, подпоясанная ремнем, на котором висел нож. Короткие взъерошенные волосы, как у мальчишки. В лицо вьелась грязь, кожа дочерна загорела, в зеленых глазах сверкала решительность и жажда приключений.

— Он сегодня занят, встречается с *капумастру*, старшим мастером. Может, его возьмут строить новый форт для рыцарей. А я не сдамся, пока мы не найдем то, что ищем! Если тебе охота разгребать навоз вместо того, чтобы искать клад, — вперед! Мне-то какое дело!

Уже два бесконечно длинных дня они трудились в выгребной яме за домом, ведрами таская оттуда экскременты людей и животных, которые потом надо было раскидывать на каменистом поле за городом, где их семья пыталась развести огород. Они опустошали яму дважды в год, когда мухи на кухне уж совсем жирнели. Если бы не мухи, Мария бы вообще не понимала, зачем этим заниматься. На том поле ничего не выросло уже два года кряду, как, впрочем, и на всей Мальте. Дождей не было, не было и зерна с Сицилии. В тот год ее сестра и брат, близнецы, умерли от голода в младенчестве, как и половина новорожденных в Биргу. «На Мальте не растет ничего, кроме камней и несчастий, — частенько повторяла их мать. — Ничего, кроме навоза. Вот если бы его можно было продать на рынке, ох как бы мы разбогатели!» Наверное, это было единственное, в чем Мария соглашалась с матерью: разбрасывать по полю навоз бесполезно, просто очередная гадкая прихоть отца. Гораздо лучше заняться чем-нибудь, от чего будет хоть какой-нибудь толк.

— Да мы уже ищем-ищем этот клад, а все без толку! — не унимался Нико.

— Сегодня обязательно найдем! Но если хочешь домой — иди!

Нико, конечно, никуда не пойдет. Он боготворил свою сестру, которая была солнцем в его жизни. Она защищала его от гнева отца и отчаяния матери и от всех бед враждебного мира. Она совсем не похожа на других девочек ее возраста. Большинство из них закрыли лица *барнузой* и остались дома. «Женщина должна появляться на публике лишь дважды, — сказала мать Марии. — В день, когда она выйдет замуж, и в день, когда ее похоронят». Мария никогда не слушала. Она была сорванцом со вспыльчивым характером и поклялась никогда не прятаться за *барнузой*. Другие девушки сторонились ее, но и она избегала их.

Нико это вполне устраивало, потому что сестра проводила с ним все время, знала все на свете, рассказывала сказки, лазила по скалам и искала клады. Если бы Мария решила прыгнуть с обрыва, то брат без раздумий последовал бы за ней, даже если бы потом им обоим влетело от отца.

— Я просто не хочу, чтобы он меня выпорол...

— Бывают вещи и похуже.

— Какие такие вещи? — спросил Нико, ощущая отцовский кожаный ремень на своей спине и размышляя, что вряд ли бывает что-то хуже.

— А такие! Например, всю жизнь разгребать дерьмо. Или позволить кому-нибудь другому найти клад! О, мы уже добрались! — воскликнула сестра.

Они пришли в свое тайное место — руины, расположенные на плато, откуда было видно море. Сколько раз они туда приходили, но ни разу никого не встретили. Большую часть руин за многие века занесло песком, но все же на месте храма, построенного в незапамятные времена древней и давно забытой расой, осталось несколько огромных каменных мегалитов. Пара-тройка каменных колонн еще стремилась в небо, остальные давно упали и валялись как попало. Еще тут сохранились подземные катакомбы, где было очень здорово играть в прятки. Дети уже давно обследовали тут все закоулки, пролезали в отверстия и забирались под каменные плиты, иногда находя новые проходы и помещения, роясь среди обломков и ведя свои раскопки.

Мария была уверена, что где-то в недрах этого лабиринта, тщательно спрятанные в сундуке, горшке или под каменной плитой, их ждут сокровища. Полвека назад евреев изгнали из Испании и подвластных ей земель, в том числе и с Мальты. Спасаясь бегством от

преследователей, многие из них, как считалось, закопали здесь свои несметные богатства в расчете когда-нибудь вернуться за ними. Пока Марии не удалось найти ничего, кроме ракушек и костей, но она бы все равно пришла сюда, даже если бы и не надеялась отыскать сокровища.

Девочка обожала руины. В них была какая-то чистота — во всем, от запаха до величественного вида на море и угадывавшихся намеков на славное прошлое. Она чувствовала присутствие и дух людей, построивших этот храм, — людей, у которых были деньги и еда, которые одевались еще роскошнее, чем рыцари ордена Святого Иоанна, словно павлины с важным видом разгуливавшие по улицам Биргу. Эти люди жили хорошо, танцевали, смеялись и устраивали пиршества. Она рассказывала Нико все эти истории, пока они копались в обломках у оснований колонн и переворачивали камни.

— Если эти люди были такие великие, — засомневался Нико, ворочая обломки, — почему же от них больше ничего не осталось?

— Уехали во Францию. Там много зелени. И живут одни богачи.

— А кто сказал, что они оставили тут сокровища?

— Я сказала! А мне рассказал доктор Каллус. Он тоже все время ищет эти сокровища. Какие-то евреи оставили их здесь тысячу лет назад, когда король прогнал их отсюда.

— Евреи никогда бы не оставили деньги. Мама говорит, что евреи скорее родных детей бросят, чем деньги.

— Ну а вот эти бросили! — фыркнула Мария. — Золото и серебро! Им все было не увезти! И я найду! Найду и спрячу, пока не вырасту, а потом куплю замок во Франции, а мои рабы будут выращивать на полях люпины, — добавила она, слышавшая в порту разговоры о Франции, о горах и полях люпинов.

— А что такое люпины? — спросил Нико.

— Точно не знаю, но у меня их будет много! А еще у меня будут слуги, вся одежда будет из шелка, а ложки — из серебра! Если хочешь, можешь жить со мной!

— У девочек не бывает замков.

— Ха! — воскликнула Мария. — У королев еще как бывает! У меня будет, вот увидишь!

Еще какое-то время они копались в песке и камнях, но безуспешно. Мария уже собралась предложить Нико пойти поискать в пещеры, которыми были изрезаны скалы со стороны моря. Некоторые из них были заняты, а другие — заброшены. Мария знала, что у евреев было множество тайников, и пещеры для них — самое подхо-

дящее место. Она в задумчивости ковыряла камешки острием ножа, и вдруг послышался звон. Расчистив землю пальцами, она нашла что-то крошечное, овальной формы, потрескавшееся от времени.

— Смотри! — закричала она. — Что это?! Монета!

— Да это ж просто камешек!

— Это голова у тебя как камешек! Старая дурацкая монета, но это все равно сокровище! — заявила Мария и поскребла находку ножом; изъеденный ржавчиной металл блеснул на солнце. — Вот, смотри, ты что, не видишь? Голова! А на голове — шлем!

Нико ничего не разглядел, но все равно пораженно таращился на монету.

— Можешь оставить себе, — великодушно предложила сестра, отдавая ему сокровище. — Найдем еще. Ну, что я тебе говорила? Клади скорее в карман! И ни за что не показывай взрослым, а то отберут!

— Спасибо, — затаив дыхание, прошептал Нико, не веря в собственную удачу.

Спрятав монетку в карман, он с новым рвением принялся за дело. Так они вели раскопки примерно час. Пот, смешанный с пылью, тек по их лбам, они ахали и охали, продолжая копать навстречу своей мечте. Мария откопала чашу, хорошо сохранившуюся, но расколовшуюся пополам. Под ней обнаружилась идеально белая берцовая кость.

— Вот видишь? Кости евреев, — уверенно заявила Мария. — Знак! Они всегда оставляли такие знаки рядом со сокровищами! Мы уже близко!

Нико присвистнул. Они бросились копать еще усерднее, но Мария вдруг замерла и дернула Нико за рукав, сделав ему знак не издавать ни звука.

— Это еще что? — прошептала она. — Что это такое?

Склонив голову набок, она внимательно прислушалась. По камням в поисках жучков прыгал голубой дрозд. Постоянно дул сухой и горячий ветер.

— Мне показалось, что я слышу чьи-то голоса... Хотя ладно, — покачала она головой, — просто показалось.

Палуба алжирского галиота негромко поскрипывала, корабль покачивался, стоя на якоре. Волны тихо плескались о борта. Солдаты стояли в карауле с аркебузами наготове и нервно ожидали возвращения рабов, которых отправили на сушу за пресной водой.

Корабль вошел в бухту кормой, а носом был развернут в открытое море, чтобы сразу же отплыть.

Настоящий морской охотник, быстроходный и изящный. Такие галиоты перевозили римские легионы и торговцев Карфагена. Длинное и стройное судно, предназначенное для ясной погоды, с небольшой осадкой, чтобы быстро маневрировать по рекам и лагунам, где можно рассчитывать на богатую добычу. И хотя на мачте красовался латинский парус «гусиное крыло», шло оно в основном не по ветру, а за счет труда рабов, сидевших на веслах. К каждой из двадцати четырех скамей было приковано по трое обнаженных мужчин, налегавших на весла. За долгие месяцы судоходного сезона они ни разу не вставали с места — ели, спали и испражнялись прямо там и в хорошую погоду, и в шторм.

Реис Али-ага, капитан алжирского галиота, не прибыл бы на Мальту в одиночку, если бы не возникло чрезвычайной ситуации. На этом острове жили рыцари ордена Святого Иоанна, неверные, база которых находилась всего в двух лигах отсюда, в Биргу.

Он завел судно в бухту, чтобы быстро его отремонтировать и пополнить запасы пресной воды. Реис чуть не пал жертвой собственного успеха. Дерзкий набег на Сицилию принес ему сто тридцать рабов. По пути в Алжир он встретил французское торговое судно без эскорта и захватил его без единого выстрела, связал матросов, бросил их в трюм и перегрузил на свой корабль тюки шелка и сундуки с пряностями, которых оказалось столько, что осадка галиота опасно увеличилась. Поняв, что больше груза на борт принять не может, Али-ага бросил торговое судно на произвол судьбы и поспешил домой.

Домой он добрался бы довольно быстро, если бы не внезапно налетевший весенний шторм. Высокая осадка киля предназначалась для быстроходных путешествий, а не для сражений с разгневанным морем. Волны швыряли галиот туда-сюда, словно пробку. Маленькая пушка португальской работы, снятая с французского судна, сорвалась с тяжелых балок, к которым была привязана. Орудие бросало по палубе, заливало водой, оно раздробило доски палубы и ноги кормчего, а затем пробило деревянный настил и провалилось в трюм.

Лишь добрая воля Аллаха направила пушку в сбившихся в кучу рабов, а не прямо в борт. Несчастные жались друг к другу и дрожали от страха перед бурей. Их тела смягчили удар пушки, заслонив

собой борт, но жерло все-таки пробило доски на уровне ватерлинии, которая в силу загрузки судна оказалась даже выше обычного. Морская вода хлестала повсюду. Над судном нависла смертельная опасность.

Только молниеносная реакция Али-аги не дала им всем пойти на дно. Семьдесят пленников тут же выбросили за борт, чтобы облегчить судно, ведь люди весили больше, чем шелк, а стоили меньше, чем пряности. В основном выбросили детей, которых держали на корме за шпангоутом, отделявшим их от родителей. Али-ага всегда разделял пленных таким образом, считая, что это делает их более послушными. Он предпочел бы избавиться от взрослых, потому что дети стоили дороже, но нужно было срочно облегчить именно кормовую часть корабля, а перемещать пленных или балласт туда-сюда времени не было. Завывания ветра быстро поглотили крики детей. Боцман свистел, надсмотрщик щелкал хлыстом, вся команда боролась, чтобы судно не потонуло. Солдаты плечом к плечу с рабами исступленно вычерпывали воду из трюма, половину мужчин мучила морская болезнь, рвотные массы смешивались с морской водой, доходившей им до колен.

Шквал прекратился практически так же внезапно, как и начался, и море успокоилось.

Али-ага оценил повреждения: мачта выстояла, а вот плохо закрытая крышка шлюзового отверстия оторвалась. Он потерял почти все запасы провианта и большую часть пресной воды. Триста душ, оставшихся на борту, смогут продержаться несколько дней без еды, *иншалла*, но не без воды, к тому же корпус корабля нуждался в срочном ремонте. Ближайшей сушей оказалась Мальта. Нехотя Али-ага взял курс на остров. Несмотря на близость к форпостам рыцарей, он решил, что они будут слишком заняты погоней за его двоюродным дедом, легендарным корсаром Тургут-реисом. Несколькими днями раньше Тургут захватил галеру ордена «Катеринетту», шедшую из Марселя с целым состоянием скудо, предназначавшихся для строительства новых фортификационных сооружений в Биргу. Какой бы шторм ни преградил им путь, униженные рыцари будут гнаться за корсаром, как стая злых ос.

И все же Али-ага не собирался рисковать. Плотники быстро сделали свою работу, взяв доски с дозорной башни, возвышавшейся над южным побережьем. Они положили доски в несколько слоев, чтобы закрыть течь, а затем просмолили корпус, чтобы восстановить боевую осадку. Оставалось только дожидаться запасов пресной

воды. Галерные рабы отдыхали, лежа на веслах под палящими лучами белого солнца, высоко стоявшего над закрывавшими бухту скалами.

Надсмотрщики стояли в проходах между скамьями, чтобы рабы соблюдали тишину. Отсюда не должно было донестись ни звука, пока судно спокойно не покинет логово рыцарей. На рассвете двое пленных сицилийцев устроили драку из-за объедков. Им быстро перерезали горло, а тела выбросили за борт. Жена одного из мужчин закричала, и ее безжизненное тело тут же последовало за мужем. После этого остальные пленники не издали ни звука, как будто им самим перерезали глотки. Реис Али-ага любил послушание как среды команды, так и вообще в своем окружении.

Капитан нетерпеливо взглянул в открытое море, а потом на ущелье. Отправившиеся за водой рабы что-то задерживались. Если кто-то заметил галиот, пока они вставали на якорь в бухте, то ловушка захлопнется быстро и сбежать будет невозможно. Риск возрастал с каждой секундой. Высокие скалы, обрамлявшие бухту, защищали корабль от вражеских взглядов, но не давали нужного обзора и капитану. Али-ага хорошо знал про эту Богом забытую Мальту, не только пустынную, но и опасную. Он совершал рейды в этом архипелаге дюжину раз. Обычно он высаживался на северном острове Гоцо, всегда плохо защищенном, но хорошо знал и южное побережье и сейчас выбрал его по причине изолированности, а также из-за того, что там находился малоизвестный источник пресной воды, труднодоступный, но зато расположенный в малонаселенном районе. Дозорный на башне погиб первым, еще до рассвета, остальных отправили убить всех жителей пещер, кого смогут найти. Двое дозорных стояли на возвышении и смотрели на море, но Али-ага решил отправить еще людей на скалы. Там были руины, с которых можно заметить приближение наземных патрулей или вражеских галер.

По его приказу двое мужчин взобрались на скалу, вооружившись пистолетами и кинжалами. Восхождение было опасным, продвигались они медленно. Добравшись до вершины, они обернулись и осмотрели море. Один подал сигнал на корабль, что все чисто, отвернулся и вместе с товарищем пошел вглубь острова по направлению к руинам.

Первым их заметил Нико.

Он уже перестал искать сокровища, сидел и пытался обтесать один камешек другим, чтобы сделать из него пушечное ядро. Выти-